

УДК 343.98:81

DOI 10.17150/2500-4255.2019.13(2).181-196

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: «КЛАССИКА», СОВРЕМЕННОСТЬ, ПЕРСПЕКТИВА

А.П. Суходолов¹, А.Ф. Московцев²

¹ Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

² Волгоградский государственный технический университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

14 января 2019 г.

Дата принятия в печать

8 апреля 2019 г.

Дата онлайн-размещения

26 апреля 2019 г.

Ключевые слова

Криминальный и криминологический дискурс; самостоятельное значение криминологического дискурса; исторический аспект криминологического дискурса; классический криминологический дискурс; современные особенности криминологического дискурса; перспективные направления развития криминологического дискурса

Аннотация. В статье авторы следуют общему понятию дискурса, которое ассоциируется с совокупностью высказываний относительно объектов дискурса. Очевидно, что основным объектом дискурса в криминологии выступает преступность во всех ее проявлениях и существенных характеристиках. В ходе дискурса развивается научная проблематика противодействия преступности, разрабатываются меры уголовной политики, совершенствуются организационные формы и методическое обеспечение правоохранительной деятельности, формируются разнообразные практики противодействия преступности. Самостоятельное значение дискурса в криминологии видится одному из первопроходцев в разработке этой проблематики А.Э. Жалинскому в том, что здесь основное внимание уделяется «процессу выработки суждений о преступности». Отсюда главным результатом дискурса назначается установление некоторого единства позиций относительно основных рассматриваемых проблем. Если следовать названной версии, то искомая позиция в современной криминологии уже достигнута в отношении общего понятия преступности, которое проходит в одной связке с УК и не является объектом для дискуссии. Заданное кодексом понятие предшествует любым дискурсам, которые сводятся к криминальному дискурсу. Рассматриваемое состояние научного знания характеризуется авторами статьи как «классическое» по аналогии с классической политической экономией. На наш взгляд, именно «выпадение» в классику современной криминологии — основной источник отсутствия тонуса в ее методологических и теоретических разработках, непродуктивности рекомендаций для практики противодействия преступности. Развивая свою позицию, авторы опираются на понятие исторического дискурса, разрабатываемого М. Фуко. Изучаемый в историческом контексте дискурс есть процесс, формирующий сами объекты дискурса. В свете истории любые объекты, структуры, общие понятия становятся проблематичными, нуждаются в переопределении. Как полагают авторы, исторический дискурс приводит науку в аморфное состояние, которое характеризуется отсутствием генерализующего объекта. В данной ситуации в криминологический дискурс наряду с представителями криминологического мейнстрима включаются его аутсайдеры и на «равных» формируют перспективную повестку дискурса. В данной статье наиболее важными источниками развития дискурса становятся история, экономическая теория, социология, политология, неуголовно-правовые дисциплины, разнообразные практики противодействия преступности. Они раздвигают традиционные границы криминологии в направлении формирования междисциплинарного знания о преступности, предоставляя криминологической классике возможность быть в этом знании интегратором.

CRIMINOLOGICAL DISCOURSE: «CLASSICS», MODERNITY, PROSPECTS

Alexander P. Sukhodolov¹, Aleksandr F. Moskovtsev²

¹ Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation

² Volgograd State Technical University, Volgograd, the Russian Federation

Article info

Received

2019 January 14

Abstract. The authors use the widespread definition of discourse understood as the aggregate of statements regarding the objects of discourse. Obviously, the key object of discourse in criminology is criminality in all its manifestations and essential characteristics. In the process of discourse, the research topic of crime counteraction is

Accepted

2019 April 8

Available online

2019 April 26

Keywords

Criminal and criminological discourse; independent significance of criminological discourse; historical aspect of criminological discourse; classical criminological discourse; modern features of criminological discourse; prospective trends of the development of criminological discourse

developed, the criminal policy measures are worked out, the organizational forms and methodological support of law enforcement are improved, and various practices of crime counteraction are formed. A.E. Zhalinskiy, one of the pioneers in this sphere, believes that the independent significance of discourse in criminology lies in the fact that it mainly pays attention to the «process of working out judgments about crime». Thus, the main outcome of discourse is to reach some unity of positions on key analyzed problems. If we agree with this approach, such unity in criminology has already been achieved regarding the general concept of crime, which is connected with the Criminal Code and is not an object of discussion. The concept presented in the Code is prior to all discourses included in the criminal discourse. Such condition of scientific knowledge is characterized by the authors as «classical» by analogy with classical political economy. In our opinion, this «bias» for classics in contemporary criminology is the main reason for its lackluster methodological and theoretical works, as well as recommendations that are unproductive for the practice of crime counteraction. Developing their position, the authors use the concept of historic discourse worked out by M. Foucault. The discourse studied in the historical context is the process that forms the very objects of discourse. In the light of history, all objects, structures, general concepts become problematic and need re-defining. The authors believe that historical discourse turns science into an amorphous state characterized by the lack of a generalizing object. In this situation the participants of criminological discourse are not only representatives of the criminological mainstream, but also its outsiders who take an equal part in formulating the relevant discourse agenda. The authors of this article believe that the most important sources of discourse development are history, economic theory, sociology, political science, non-criminal law disciplines, various practices of crime counteraction. They expand the traditional borders of criminology regarding the development of interdisciplinary knowledge on crime, while the criminological classics act as an integrator of this knowledge.

Прежде всего, общее понятие дискурса не является дискуссионным и ассоциируется в своем первоначальном определении с совокупностью высказываний или совокупностью знаков, элементов языка, которые отсылают к содержанию или репрезентации, т.е. к тем же объектам дискурса. В идеале дискурсы фиксируются в письменных и других подобных документах, оставляющих следы «речевых» практик. Дискурс образует множество контекстов: факты, события, объекты, формации, поля, горизонты, области дискурса и др.; и в то же время он входит в разнообразные контексты других дискурсов и недискурсионные практики. Как утверждает М. Фуко, соответствующие «тематические» дискурсы, например «анализ накоплений», получают «право голоса» «не только в политических и экономических решениях», но и в «каждодневных практиках зарождающегося капитализма, в политической и классовой борьбе» и тем самым «травестируются» в «решения, институты или практики» [1].

По замечанию Фуко о том, что не существует идеального дискурса, можно судить о некоторой норме функционирования дискурса, которая заключается в его постоянном пребывании в контексте реальных практик человеческой жизнедеятельности. Вычленив из этого контекста дискурс как таковой возможно только

в абстракции. Но, входя в контексты принятия политических, экономических и прочих решений и их обслуживая, дискурсы тем самым участвуют в формировании реальных социальных объектов. Таким образом, теоретизирование о дискурсе «приходит к анализу социальных формаций» и практик, их формирующих.

Криминологический дискурс разворачивается исторически и в каждый текущий момент времени на нескольких уровнях: методологии, теории и практики. Качество взаимодействия дискурсов на этих уровнях определяет в конечном счете эффективность противодействия преступности. В ходе дискурса развивается научная проблематика этого противодействия, разрабатываются меры уголовной политики, совершенствуются организационные формы и методическое обеспечение правоохранительной деятельности, формируются разнообразные практики противодействия преступности.

Идея о выделении криминологического дискурса в качестве предмета (и объекта) специального анализа принадлежит профессору А.Э. Жалинскому [2; 3] и имеет важное значение для развития криминологической науки. По его мысли, криминологический дискурс является обязательной составляющей общесоциального дискурса о преступности, в котором участвуют все субъекты социальных отношений.

Научные суждения о проблемах преступности, формулируемые представителями различных сфер знания, литературные произведения и публицистическая информация, так или иначе связанные с этими проблемами, высказывания практиков борьбы с преступностью и простых граждан по подобной тематике, программы различных политических сил и итоги социологических исследований, отражающих и оценивающих результаты и перспективные направления борьбы с преступностью и др., сообща образуют содержание дискурса на каждый данный момент времени, формируют его интегральные и перспективные темы: насилие в семье, терроризм, нарушение прав личности, финансовые пирамиды, коррупция, организованная преступность, компьютерная преступность, экологические преступления, злоупотребления экономической властью и др. Сформированность подобных рубрик, привлекающих повышенное внимание общества, — один из важных результатов дискурса, который может быть использован как для внутренней самоорганизации дискурса, так и для развития научного знания о преступности. Они также составляют «поле первичных различий» и «инстанции разграничения» (М. Фуко) для развивающегося научного знания.

Криминология играет ведущую роль в рассматриваемом дискурсе, поскольку продуцирует профессиональную и квалифицированную информацию о преступности, в которой нуждаются все участники дискурса, в то время как информация о преступности в значительной своей части является деформированной личными и групповыми интересами активных участников социальных отношений, а надежными средствами ее проверки и оценки массовые получатели криминологической информации, в отличие от ее поставщиков, как правило, не располагают в силу своего социального статуса. Кроме того, только криминология, исходя из своей природы, может претендовать на целостное представление дискурса: как научное знание о преступности во всех ее проявлениях, причинах, условиях и факторах возникновения и средствах борьбы с ней.

Сама криминология нуждается в дискурсе, поскольку именно в ходе дискурса криминологически значимая информация переводится в ранг научного знания. Ее нормальное состояние — коммуникационное взаимодействие, т.е. взаимодействие в процессе разнообразных

дискурсивных практик. В конечном счете криминология представляет собой «поле дискурса и собственно дискурс» (А.Э. Жалинский).

Согласно исходной позиции рассматриваемого автора, «процесс возникновения и выработки в обществе суждений о преступности» является малоисследованным. В связи с данной позицией он и формулирует свою идею отдельного от других проблем криминологии анализа криминологического дискурса. При этом потребность в таком анализе обосновывается «необходимостью более предметного и более квалифицированного подхода к осознанию, «охватыванию» процесса выработки... специалистами в области криминологии своих позиций по тем или иным вопросам и их распространения в обществе в целях достижения некоторого разумного согласия».

Следовательно, в криминологическом дискурсе, как он представляется автором, основное внимание отдается «процессу выработки суждений о преступности». Согласимся, что наилучшая форма для процесса выработки суждений по любому вопросу — дискурс, сопровождаемый учетом множества мнений, позиций, высказываний. Этот базовый для дискурса процесс в предлагаемой конструкции имеет ограниченный смысл и сводится в основополагающих своих моментах, во-первых, к различению, учету и синтезу мнений «всех» профессионалов — участников дискурса по данной проблеме (при этом в стороне остается возможность решения данной задачи в полном объеме, а тем более — измерения квалификации каждого из них); во-вторых, к выработке необходимых правил дискурса и мер по обеспечению их соблюдения в процессе дискурса. Главный ожидаемый результат синтеза профессиональных суждений — достижение консолидированного мнения специалистов по рассматриваемой проблеме, которое, если довести его до сведения власти, окажет или может оказать на нее соответствующее воздействие.

Не вдаваясь далее в описание множества других, не упомянутых выше деталей криминологического дискурса, необходимо прояснить некоторую его характеристику, которая, оставаясь большей частью в тени, тем не менее составляет не столь важную, явную или неявную, но фундаментальную предпосылку этого дискурса как дискурса о преступности. Поиску единства позиций, мнений, оценок по отдельным вопросам и проблемам преступности предшествует

единая позиция в отношении общего понятия преступности, разделяемая всеми участниками дискурса и предшествующая ему, которая не подвергается сомнению, не попадая в поле дискурса. Современный криминологический дискурс не формирует свое самое общее понятие, а принимает его «готовым».

Понимание преступления как нарушения соответствующей статьи УК — «классика» в криминологической науке. Такое же значение имеет, например, так называемый мейнстрим (основное течение) в экономической науке. Классикой в науке издавна было принято называть такое ее состояние, когда между большинством представителей науки после длительного периода разногласий складывается некоторое единство позиций. Классика в данном смысле является синонимом единодушия или, по меньшей мере, появления господствующего мнения об основной научной проблеме. Другой вопрос — в какой мере современная криминология на высотах своей классики соответствует стандартам научной зрелости, которые демонстрирует преемница экономической классики — современная экономическая теория и которые она выстрадала в течение своего развития на протяжении нескольких веков.

Используя статьи УК в качестве своей генерализующей идеи, криминология тем самым сводит основное содержание криминологического дискурса к дискурсу криминальному. Подобная позиция придает «чистоту» понятию криминологического. Это в очень большой степени облегчает диагностику криминологического, профессиональную криминологическую спецификацию, поскольку в данную область автоматически включаются все проблемы, вопросы, ситуации и случаи, связанные с нарушением статей УК. Но при этом приходится считаться с некоторыми последствиями, прямо или косвенно вытекающими из принятой парадигмы. Именно на эту парадигму можно возложить ответственность за такое состояние современного криминологического дискурса, которое А.Э. Жалинский диагностирует как «недостаточная развитость». Или, иначе, опираясь на его общее впечатление об этом состоянии, следует констатировать, что «процесс обсуждения проблем преступности находится не в наилучшем состоянии».

Подобная характеристика современного состояния криминологического дискурса раскрывается по следующим направлениям. Во-

первых, с опорой на характер и содержание информации о преступности, используемой в дискурсе. В значительной своей части эта информация о преступности является недостоверной и деформированной, а надежными критериями ее проверки криминология не располагает либо не использует их. Во-вторых, «возможности отражения реальных и виртуальных процессов, происходящих в обществе» ограничены, поскольку у криминологии отсутствуют соответствующие научные инструменты. В-третьих, круг тем, составляющих проблематику криминологического дискурса, не соответствует структуре преступности и реальной опасности ее отдельных групп и видов. В его определении доминирует конъюнктурное видение. В-четвертых, самое главное: содержание современного криминологического дискурса и качество вытекающих из него рекомендаций не соответствуют потребностям практики противодействия преступности.

Если отталкиваться от заданного и «классического» понятия преступности, то следует отметить, что имеются очень ограниченные возможности для принципиально критического взгляда как на практику борьбы с преступностью, так и на теорию преступности и действующую уголовную политику. И все потому, что и практика, и теория, и политика опираются на один и тот же фундамент действующего УК, рассматриваемого в лучшем случае с изменениями и дополнениями, а также в сравнении с предшествующим УК образца 1960 г. Малопродуктивны в связи с подобной позицией и действия криминолога в уголовном нормотворчестве. Комментарии к конструкции норм или даже скрупулезный анализ их реализации, который к тому же затрудняется добычей первичного материала, вслед за анализом криминальной статистики поставляют самый надежный материал для работы криминологического ума. Но сам характер подобного материала не предоставляет возможности выйти за пределы устоявшейся парадигмы. Что принципиально нового можно сказать о нормах, которые уже приняты за основу и могут подвергаться сомнению лишь в отдельных своих аспектах? Учитывая тем более, что нормотворчество с большим опозданием реагирует на изменения в реальной жизни, социально-экономической действительности.

«Криминологические тексты, — резюмирует в этой связи А.Э. Жалинский свой критический анализ, — преимущественно носят понятийно-

разоблачительный характер и, строго говоря, не могут быть использованы при разработке мер уголовной политики и в правотворческом процессе». Такой же критической оценки заслуживает и результативность криминологических рекомендаций по профилактике преступности, которые являются визитной карточкой криминологической науки. Они, как правило, отличаются заметным формализмом. Отдельные позитивные результаты в этой сфере не могут изменить общей картины.

Если попытаться выйти на более фундаментальные определения базового для криминологического дискурса процесса — формирования суждений о преступности, то, чтобы их получить, следует поместить рассматриваемый дискурс в исторический контекст, тем самым несколько снизив значение его текущей проблематики и приглушив голоса актуальных участников, выведя их на задний план. Одновременно в криминологическом дискурсе будет ослаблено доминирующее влияние УК, что освободит его от родового союза с уголовным правом, которое будет поставлено в один ряд с остальными источниками и участниками дискурса.

В контексте исторического выясняется, во-первых, что специфика дискурса не сводится к формированию простых суждений об объекте дискурса. Именно дискурсы в своем историческом движении образуют практики, которые «систематически формируют объекты, о которых они говорят» [1]. Причем буквально: в дискурсивных практиках «очерчивается» область, о которой они говорят, как и то, о чем они говорят; «придается этому статус объекта»; дискурсы «заставляют его выявиться», «делают его именуемым». Но точно так же вместе с объектами в дискурсе вырабатываются идеи, понятия, рубрики и др., образующие структуру тематического дискурса элементы.

Во-вторых, в историческом движении дискурса, если следовать до конца «идее» истории и придерживаться «методологической строгости» исторического подхода, согласно позиции Мишеля Фуко, любые «готовые» общие понятия, рубрики, структуры и т.п. становятся подвижными, размытыми и неясными и являются «мало осмысленными» и «ложными» общностями. Реальное значение в таком дискурсе имеют только «общности рассеянных событий». А рассматриваемые понятия, готовые рубрики и структуры, ввергнутые в исторический поток, подвергаются критике прежде

всего с позиций новых фактов, событий, ситуаций с учетом уже известных, забытых и новых концепций.

Подобная критика позволяет выйти за пределы уже сформированных и устоявшихся общих понятий. В связи с этим возникает возможность воспроизвести изучаемые объекты на новых основаниях с учетом обнаруженных исторических подробностей и появившихся новых познавательных возможностей. При этом вновь установленные основания призваны уточнить изучаемый объект или их совокупность, установить связи с другими объектами, раздвинуть или, наоборот, сузить пространство изучаемых явлений, наконец, добраться до глубин их сущности и убедиться в легитимности устанавливаемых границ.

М. Фуко находит состояние наук, которые проходят свое историческое становление, аморфным (медицина, лингвистика, психиатрия и др.), имея в виду вхождение в подобные дискурсы с общей размытой рубрикой самого различного и неоднородного материала. Самый близкий для него пример исторически формирующейся области знания — психиатрия с ее основным объектом и понятием безумия. Еще на протяжении всего XIX века состояние этой области характеризовалось отсутствием какого-либо привилегированного объекта. Знание психиатрии в этот и предшествующие периоды отнюдь не является «суммой общепринятых истин», а состоит из «совокупности практик, единичностей, искажений». «Поле первичных различий» или «инстанций разграничения» будущей дисциплины образуют медицина, правосудие, религиозная власть, литературная и художественная практика. И лишь медицина, ставшая «высшей инстанцией», наконец «разграничила, обозначила, поименовала и утвердила безумие в качестве объекта». Вместе с привилегированным объектом было выработано, наконец, и генерализующее понятие. Тем самым прервалось длительное аморфное существование рассматриваемой области знаний [4].

Однако вряд ли следует считать плодотворным представление развивающегося научного знания в виде поступательного и непрерывного восхождения к некоей вершине, на которой, наконец, будет поставлена точка в ее развитии. С позиции своего исторического движения наука всегда образует «весьма аморфную совокупность практик, концепций и институтов, скорее всего, объединенных семейным сходством»

[5]. Научное знание в своем «нормальном» состоянии с исторической точки зрения — это не просто «аморфная совокупность практик, концепций и институтов», но также соединенное в некоторое целое взаимодействие альтернативных и конкурирующих позиций, объектов, генерализующих понятий с лидерами и аутсайдерами, каждая из которых характеризуется своим набором рекомендаций для практики.

Поэтому научный дискурс никогда не заканчивается и не может быть закончен, даже если в его движении восторжествует хотя бы на время одна из доминирующих позиций — классика с ее периферией. Подобное состояние науки лишь одна из стадий всего процесса, после которой наступит неоклассика также со своими аутсайдерами. В этом заключается один из уроков «продвинутых» гуманитарных научных дисциплин.

Что есть периферия по отношению к криминологической классике? Какой может быть криминологическая неоклассика? Как криминологический дискурс можно вывести на этот горизонт? На каких еще аспектах аморфного состояния криминологического дискурса, которые открывают перспективные направления развития криминологического дискурса, необходимо акцентировать внимание и сосредоточиться на их анализе, или переформулировать уже разработанные проблемы, или ввести в дискурс новые проблемы? Вот далеко не полный перечень вопросов, подлежащих дальнейшему рассмотрению.

К периферии или аутсайдерам традиционного криминологического дискурса мы относим любые дисциплины, области наук и практики, отличные по содержанию от уголовного права в его «чистом» виде и непосредственно с ним не связанные, способные противостоять его доминированию и вырабатывать альтернативные понятия преступности и оригинальные взгляды на любые проблемы преступности. Это, прежде всего, административное право, гражданское право и другие правовые дисциплины, экономическая теория, социология, психология, культурология, политология, история и т.д.

Как ни странно, но к периферии следует отнести и некоторые «забытые» традиционные идеи. Важнейшей из них является первая предпосылка современной криминологии, которая, конечно, представляет собой гипотезу, но во многих своих формулировках выглядит как постулат: преступность производит общество. Однако для содержательной разработки

этого положения у криминологии отсутствуют собственные инструменты изучения общества. Зато социология очень точно ставит проблему вписанности преступности в общество, содержательно ее разрабатывает и реалистично смотрит на решение этой проблемы.

В связи с этим, например, социолог Р. Коллинз отмечает: «В конечном счете проблема преступности, равно как и ее решение, встроена в социальную систему гораздо глубже, чем это представляется здравому смыслу. Преступность столь трудно поддается контролю вследствие того, что она продуцируется широкомасштабными социальными процессами. Полиция, суды, тюрьмы, системы надзора не очень эффективны в предотвращении преступности, и сама эта неэффективность предопределена их в значительной степени ритуалистической природой» [6, с. 527]. Однако основная трудность состоит в том, что «социальная стоимость контроля за преступлениями может включать в себя более трудные изменения (в обществе — авторы), нежели мы считали ранее» [там же, с. 492], которые опять-таки сопряжены с большими издержками. Пока мы по-настоящему не научились измерять ни эффекты, ни издержки, вытекающие из попыток решения проблемы преступности.

Еще более давняя и «великая» идея, на которую следует обратить внимание в перспективном криминологическом дискурсе, вообще потерялась на стыках междисциплинарного знания. Эта идея, сформулированная в 1939 г. в книге Г. Руше и О. Киршхаймера, дает «важнейшие ориентиры» для теории и практики противодействия преступности [7]. Но для криминологической науки она звучит чересчур революционно и, наверное, именно поэтому не может воспроизводиться в рамках современного криминологического дискурса.

Речь идет о том, что, по мысли названных авторов, в борьбе с правонарушениями в первую очередь необходимо «избавиться от иллюзии, будто уголовно-правовая система является главным образом (если не исключительно) средством» этой борьбы. Скорее, надо анализировать «конкретные уголовно-исполнительные системы» как социальные явления, которые не могут быть объяснены одной лишь юридической структурой общества, ни его фундаментальным этическим выбором»; надо переместить их в «поле собственного функционирования» в общественном целом, в котором «наказание преступления не является единственным эле-

ментом», содержание которого образуют карательные меры (установление правонарушений и законосообразных наказаний, исполнение наказаний, пресечение рецидива). В своем функционировании они связаны с целым рядом «положительных и полезных последствий», одним из которых, например, выступает «создание дополнительной рабочей силы».

В «поле собственного функционирования» любые «чистые» в своей абстракции юридические элементы и понятия неизбежно вводятся в «реальную жизнь общества», попадают в социальный контекст и обрастают множеством социальных подробностей, от которых, по меньшей мере от некоторых из них, трудно и даже невозможно абстрагироваться. Здесь выявляются очевидные проблемы для использования «чисто» юридических понятий. Они перестают работать, т.е. быть продуктивными для достижения необходимого и даже приемлемого результата. В связи с этим выясняются также границы для использования собственно юридических понятий.

Например, в практике расследования преступлений является обязательным требование полного учета всех обстоятельств, которые сопровождают совершение подобных преступлений. Учет этих обстоятельств становится совсем затруднительным в делах по преступлениям в сферах культуры, экономики, экологии, информатики и др. В подобных ситуациях придется вникать во множество факторов и деталей очень специфического характера, далеких от стандартов УК и даже от любых других правовых нормативов. Уже стало очевидным, что субъекты этих преступлений настолько «социально адаптированы», что по своим социальным параметрам практически не отличаются от остальных, законопослушных членов общества, а множество правонарушений в каждодневной жизни допускает чуть ли не большинство его членов. Здесь впору вспомнить житейский вывод о том, что «случай делает вора», который превращает в ненужный любой вариант криминологической науки.

Избавиться от рассматриваемой «иллюзии» и анализировать конкретные уголовно-исполнительные системы как социальные явления в полном объеме, скорее всего, не удастся даже в обозримой перспективе. Ведь для этого потребуется принять во внимание огромное количество социальных связей и подробностей, а наука, которая предлагала универсальную схему подобного анализа, давно утратила смысл и

значение. Учет хотя бы одного дополнительного или нескольких, а тем более существенных социальных аспектов в действии уголовно-правовых систем уже будет прогрессом в движении юридической науки и практики. И наука, и практика учатся преодолевать имеющиеся затруднения междисциплинарного характера в каждом конкретном случае. Любая юридическая наука пытается справиться с имеющимися проблемами в своей сфере, используя в первую очередь наличные абстракции и инструменты. А тем более сложившиеся практики в этих же сферах опираются большей частью на свои наработанные шаблоны, не испытывая при этом непреодолимых проблем.

Переплетение политических, экономических, правовых и собственно социальных аспектов, эффектов, издержек при решении уголовно-правовых проблем — решающий признак включения социального контекста в рассмотрение этих проблем. Чтобы мыслить подобное переплетение, необходимо иметь в своем распоряжении специальный аналитический инструментарий и соответствующий категориальный ряд. Одно из первых понятий в этом ряду, которое предлагает М. Фуко, — «экономия власти наказывать» [7].

Данное понятие вводится им в связи с описаниями чрезмерностей насилия, применявшегося при наказании за тяжкие преступления во Франции в XVIII в. (начиная с 1757 г.). Поиск меры наказания и рождает понятие «экономии» или «экономического» аспекта явления наказания, которым при этом движет стремление найти возможность разумного, рационального исчисления степени тяжести наказания с учетом наметившейся вековой тенденции к гуманизации уголовного законодательства и наказания как такового. В этот «узел» преступления — наказания и его меры завязаны и другие аспекты наказания. Прежде всего — воздействие на наказуемого и публику, а также самой публики на весь процесс (собственно социальный аспект). Право наказывать при этом не случайно увязывается с властью или политикой. Ведь «голое» право само по себе не обладает силой для своей реализации и может остаться во многих обстоятельствах «на бумаге». Власть утверждает и подтверждает действенность наказания, придавая ему принудительную силу, хотя она также имеет свои собственные разнообразные эффекты. Их тоже необходимо учитывать при развитии рассматриваемого понятия.

Для М. Фуко вообще характерно выделение и использование в своем научном аппарате целого «букета экономий» и «экономик»: экономия «власти», «народных противозаконностей», «деятельностей», «интересов», «публичности», «наказаний», «приостановленных прав», «власти наказывать», «пытки», «публичной казни» [7], «принудительного признания», «раскаяния», «покаяния», «наказания» [4].

При этом автор проводит различие между экономией «в целом», «общей», «всей» и «локальной» экономией. Подобное различие выясняется при рассмотрении отдельных систем уголовного права, судебной, властной, карательной, уголовно-исполнительной, власти наказывать как таковых, каждый элемент которых может иметь свою экономию. Например, судебная пытка в XVIII в. во Франции, занимая определенное место в сложном уголовно-правовом механизме, осуществлялась в режиме «странной» экономии, в котором ритуал создания истины происходит в единстве с ритуалом наложения наказания. Вообще, в «чрезмерности» пытки заложена целая «экономика» власти, выражающая величие власти и торжество правосудия.

Общую же экономию и эффективность системы создает определение приоритетов (модальностей) и рациональное распределение ресурсов между элементами системы в соответствии с приоритетами и стратегией ее развития. Согласно утверждению Фуко, реформу уголовного права в конце XVIII в., например, следует рассматривать как стратегию переустройства власти наказывать в соответствии с модальностями, которые делают ее более упорядоченной, более эффективной, постоянной и детализированной в своих проявлениях. Новую «экономию» власти наказывать можно получить, обеспечив ее лучшее распределение, чтобы она, распределяясь по однородным кругам, могла действовать повсюду непрерывно, вплоть до мельчайшей частицы социального тела.

Кризис традиционной экономии наказаний наступает, когда более скрупулезное отправление правосудия начинает учитывать массу «народных противозаконностей» и мелких нарушений, которым прежде удавалось ускользать от наказания с большой легкостью; и преступность смещается от «кровавой» к мошеннической. В связи с этим потребовалось и отличное от традиционного распределение ресурсов между новыми и старыми элементами уголовно-исполнительной системы.

Наказание по мере развития общества все более настоятельно рассматривается как «сложная социальная функция». Точно так же как общество «производит» преступность, оно «производит» и наказание. По М. Фуко, рассматривать наказание в социальном контексте — это значит не сосредоточиваться при исследовании карательных механизмов единственно на их «репрессивных» воздействиях, на присущих им аспектах «наказания», а рассматривать их с учетом целого ряда их возможных положительных следствий, даже если эти последние на первый взгляд кажутся побочными и второстепенными. В то же время рассматривать наказание как сложную социальную функцию — это значит в ее исполнение наряду с традиционными механизмами (тюремными, прежде всего) включать дисциплинарные (нормализующие) и паноптические (манипулирование представлениями) механизмы. Последние по сравнению с карательными не так заметны и не так сконцентрированы, но наиболее глубоко проникают в общество. С учетом современных тенденций декриминализации и криминализации они наверняка потребуют перераспределения ресурсов общества для достижения новой экономии уголовно-исполнительной системы.

Выделение и выведение на первый план экономической составляющей в рассмотрении уголовно-исполнительных систем еще одна важная идея для формирования повестки перспективного криминологического дискурса. Эту идею, следуя конъюнктуре, чаще всего связывают с именем лауреата Нобелевской премии по экономике Г. Беккера за разработку им экономического подхода к преступлениям и наказаниям [8–10].

По утверждению этого автора, при некоторых гипотетических параметрах уголовно-исполнительной системы, прежде всего «экономических», преступность можно было бы вообще «элиминировать». Эти параметры следующие: нулевые издержки на обнаружение преступлений и задержание преступников, на их наказание; минимальные потери общества от преступности в связи с «суровостью» наказаний. Последний рассматриваемый параметр может в значительной мере способствовать тому, чтобы сделать преступность не окупаемым занятием.

Другой гипотетический вариант решения проблемы преступности «чисто» экономическим путем — безмерное наращивание рас-

ходов бюджета на эту цель без учета «общей экономии» уголовно-исполнительной системы. Однако увеличение расходов в данном направлении может происходить только ценой их сокращения на другие социальные цели. К тому же уголовно-исполнительная система может превратиться в экономическую «черную дыру», в которой происходит перемалывание ресурсов общества без видимых и значимых социальных результатов. Подобное является неизбежным, когда расходование ресурсов происходит без контроля за его эффективностью, вне сопоставления с получаемыми при этом социальными эффектами.

Непомерное наращивание контроля государства за общественной жизнью под флагом борьбы с преступностью или вообще с любыми нарушениями может породить эффекты, которые уже были смоделированы историческими ситуациями (например, борьба с эпидемиями чумы). Справиться с этими эпидемиями возможно было, лишь «остановив жизнь города», сделав его «закрытым» (Фуко). С этих же позиций следует посмотреть «свежим взглядом» и включить в поле перспективного криминологического дискурса тенденцию, отчетливо выраженную в современности, к скачкообразному, невиданному ранее наращиванию возможностей вмешательства в личную жизнь граждан и в общественные процессы, в том числе с помощью новейших средств контроля — видеонаблюдения, чипов, датчиков, Интернета, социальных сетей, интеграции баз больших данных, реализации проектов цифрового общества и др.

«Российская газета», например, сообщает, что «в России создается государственная информационная система маркировки и прослеживаемости товаров. Их движение от производителя до конечного потребителя будет контролироваться с помощью специальной маркировки. Это позволит бороться с незаконным оборотом товаров, защитит граждан от некачественного или фальсифицированного продукта, а бюджетную систему — от потерь в виде недополученных таможенных платежей» [11, с. 4]. До 2024 г. маркировка, т.е. присвоение товарам уникальных кодов, должна охватить все основные группы промышленной продукции, начиная от одежды и обуви и заканчивая продуктами питания.

На начало 2019 г., по данным Госавтоинспекции МВД России, в субъектах Российской Федерации насчитывалось 10,8 тыс. стационар-

ных и 3,9 тыс. передвижных комплексов автоматической фиксации нарушений правил. Эти комплексы выявили почти 106 млн нарушений Правил дорожного движения.

Китай в этом отношении дает самый продвинутый образец для создания всеобъемлющего контроля над гражданами, или «попытку государства сконструировать общество по конфуцианским канонам» в виде строящейся системы так называемого социального рейтинга [12]. Данная система должна измерять социальный статус гражданина, основывающийся на оценках обществом «достоинства» его поведения во всех сферах жизнедеятельности. Она нацелена на предотвращение недостойного поведения общественных субъектов через наказание, обеспечение невозможности плохого поведения, внедрение в общество морально-этических императивов, благодаря которым люди не захотят нарушать правила. Теперь жизнь китайца от рождения до смерти будет оцифрована, помещена в списки, рейтинги, баллы и загружена в сервера [там же]. «Тревожно и недемократично то, — очень дипломатично замечает в этой связи Силки Карло, директор Big Brother Watch, — что полиция использует технологию, которая почти полностью неточна, и это создает большой риск для наших свобод» [13]. С обозначенных в данном пункте позиций очевидно, что любая активистская и широкомасштабная политика государства по решению проблемы преступности не может не проводиться с большой осторожностью уже в силу своих разнообразных социальных последствий, к тому же плохо прогнозируемых или почти не прогнозируемых. Кроме того, ее необходимо совместить с экономическими, социальными и другими политико-правовыми целями и стратегиями. Для обоснования и проведения уголовной политики такого рода просто не существует надежного инструментария. Ясно, что в рассматриваемых условиях эта политика, как правило, не может не быть консервативной и ставить достижимые цели, опираясь на действующие законы, традиции и сложившуюся структуру уголовно-исполнительной системы.

В контексте обычного функционирования конкретной уголовно-исполнительной системы ее собственно «правовые» параметры (включая свои технологии и методики) так или иначе согласованы, пусть и несовершенным образом, с параметрами экономическими и социальными, вписаны в действующие политические решения. Названные параметры «притираются» друг

к другу на протяжении длительного периода — годами, если не десятилетиями. Подобная согласованность требует специального внимания и дополнительной проработки по всем названным направлениям (политическому, экономическому и социальному) и установления природы их единства по меньшей мере в самых существенных его аспектах. На указанное единство выше уже обращалось внимание — общая и локальные экономии власти наказывать (М. Фуко) и экономический аспект в уголовной политике (Г. Беккер).

Тот же Г. Беккер для выработки наилучших решений в сфере противодействия преступности и уголовной политики государства, в том числе их оптимизации, опирается на разработанную им специфическую модель «криминогенной системы». Напомним, что под такой системой мы понимаем комплекс криминогенных факторов, состоящий из элементов общества, которые своим взаимодействием «производят» преступность, определяя ее общий уровень в обществе [14].

Если «общество» и «производит» преступления, как вытекает из фундаментальной криминологической гипотезы, то оно должно быть представлено в виде конкретной социальной системы — «криминогенной системы». В этом пункте сосредоточены и методология, и теория криминологической науки, ее идеология, которая определяет перспективную линию в практике противодействия преступности со стороны общества и государства. Продуктивность перспективного криминологического дискурса по большому счету определяется наличием и соперничеством в нем альтернативных моделей криминогенных систем, которые и есть основные объекты дискурса. Рассматриваемые объекты в ходе этого дискурса формируются, выявляются, называются и анализируются. Тем самым культивируется разнообразие научных подходов в рамках криминологической науки.

В модели Г. Беккера критерием оптимальности уголовной политики служат потери общества от преступлений и повышение благосостояния общества в связи с этим. Такие потери или убытки включают в себя сумму нанесенного преступниками ущерба, издержки на задержание и установление вины преступника и на осуществление наказания. Они могут быть минимизированы одновременно по факторам, называемым Беккером «управляющими переменными», которые, собственно, и фор-

мируют решения преступников о возможности и перспективах заниматься противоправной деятельностью.

В конечном счете, считает Г. Беккер, именно выгодность преступления, т.е. разница между доходами от легальной и нелегальной деятельности, находится в основании решения людей о выборе преступной профессии и определяет общий уровень преступности. И если уровень легальных доходов находится вне сферы влияния уголовной политики, то эта же политика своими мерами противодействия преступности может значительно понизить выгодность совершения преступлений, увеличив издержки, связанные с подобной деятельностью. Названные мероприятия, в принципе, могут быть сведены к различным видам государственных расходов. Но «для удобства», по Беккеру, они представляются как регулирование степени раскрываемости преступлений и жестокости наказания, которая включает в себя также форму наказания.

Задача управления общим уровнем преступности, нацеленного на уменьшение выгоды от преступной деятельности, сводится к управлению «раскрываемостью» и тяжестью (в том числе и формами) наказания. С помощью подбора значений этих управляющих переменных определится и значение управляемых переменных в модели. К ним относится прежде всего оптимальное количество преступлений. В данном смысле раскрываемость преступлений и тяжесть наказания могут быть условно названы «криминогенными факторами» и представлены как основные элементы некоей «криминогенной системы». Хотя на самом деле все связи в модели Г. Беккера являются функциональными, а не причинными.

В модели оптимальное количество преступлений как цель уголовной политики увязано с минимизацией потерь общества от преступности. Поэтому отсюда определится и то, какой уровень преступности следует признать допустимым и какое число преступников останется безнаказанным. Ведь, выбирая значение управляющих переменных, число преступлений возможно снизить до любого желаемого уровня. Но при этом «желаемый» уровень преступности отрицательно скажется на общественном благосостоянии, поскольку достижение этого показателя приведет к значительному увеличению государственных расходов.

Г. Беккер вносит в криминологический дискурс идею рациональных оснований для уго-

ловной политики. Государство, безусловно, нуждается в надежных ориентирах для определения того, сколько необходимо иметь средств для противодействия преступности и в каких направлениях эти средства следует потратить. Поэтому в модельных расчетах выясняется не только оптимальное количество преступлений и конкретные величины связанных с ним управляющих параметров, но и одновременно «издержки борьбы с преступностью», т.е. размер бюджетных средств, необходимых для достижения всех названных показателей.

Вопрос о рациональных основаниях уголовной политики решается Г. Беккером в контексте основной экономической проблемы об аллокации редких ресурсов общества между различными его потребностями. Поэтому любые модельные проблемы он рассматривает в духе экономического империализма, хотя при этом признает, например, самостоятельное значение политики. Ведь в конце концов именно политика определяет выбор приоритетов, который затем находит свое выражение в распределении ресурсов. Но основной выбор в модели — выбор индивидами и их группами между легальной и нелегальной экономической сферами деятельности — строится на «чисто» экономическом расчете. Политика своими мерами может влиять только на условия этого выбора. Распределение ресурсов в пользу полицейской системы (раскрываемость) и пенитенциарной системы (жесткость наказания) подчиняется той же экономической или общей модельной логике. Даже так называемая производственная функция, отражающая используемые правоохранительные технологии, представляется Беккером теми же расходными характеристиками: расходами на оплату труда, прочими текущими расходами и капитальными затратами.

Вообще, «мечта» Г. Беккера — превратить УК в раздел деликтного права за счет введения универсального наказания в виде штрафа. Тогда уголовное наказание превратится в простое исчисление размера налагаемого штрафа. И основная проблема будет состоять в способности или неспособности наказанных платить этот штраф. Может быть, в науке также есть место мечтам? Обсуждать в том числе самые «завиральные» идеи, которые могут каким-то образом работать на перспективу. Ведь наука занимается не только решением текущих дел практики. Мысли Беккера перекликаются с еще более давней позицией Б.А. Кистяковского, со-

гласно которой «хозяйственные отношения в правовом государстве подчинены лишь нормам гражданского права» [15, с. 171].

Последовательно экономическая позиция в решении проблем преступности вряд ли впишется без критического анализа в криминологический дискурс. Но здесь не стоит торопиться упрекать Г. Беккера в чрезмерном экономизме. Он прежде всего теоретик и как таковой логично отстаивает и последовательно развивает исходную позицию и модельные предпосылки. Следует также согласиться с Беккером в том, что экономическая платформа в идеале способна быть интегратором самых разнообразных («всех») направлений человеческой деятельности. Поэтому упрек в экономическом империализме может быть скорее похвалой, констатацией последовательности его теоретического мышления.

На наш взгляд, конструктивную критику беккеровского империализма необходимо вести, отправляясь от установления того конкретного объекта, существенные характеристики которого должны быть отображены в разработанной Беккером теоретической модели, с опорой на которую он оптимизирует уголовную политику. Именно этот объект, как элемент общества, благодаря абстракции от «лишних» связей в социальном контексте превращается в абстрактную конструкцию с экономической доминантой. С эмпирической стороны описание рассматриваемого объекта, судя по заявлению самого автора, «серьезно затрудняется ограниченностью и низким качеством данных о совершенных преступлениях, вероятности поимки и осуждения преступников, издержках и т.д.». Автор сводит эти данные в отрывочные сведения о раскрываемости некоторых преступлений и сроках наказания за них, об ущербе от совершения некоторых преступлений, а также о государственных расходах на содержание полиции, прокуратуры и судебной системы, исправительных учреждений, о ряде частных издержек на борьбу с преступностью.

С теоретической точки зрения моделирование осложняется «отсутствием надежной теории выработки политических решений». Судя по всему, речь здесь должна идти об отсутствии точно сформулированных конкретных приоритетов уголовной политики, которые выражаются в необходимых бюджетных ассигнованиях, основных направлениях их расходования, ее социальных результатах и др. Исходя из этой данности,

автор модели был вынужден «дорисовывать» необходимые для нее элементы, «недоговоренные» политиками. В связи с этим и возникла сама идея оптимизации уголовной политики. Подобная «дорисовка» политических решений, как мы полагаем, еще одно из перспективных направлений криминологического дискурса.

В связи с понятием оптимального количества преступлений возникает очень важная ассоциация с подобными теоретическими категориями, используемыми в макроэкономическом моделировании. Речь идет о естественном (непреодолимом, фоновом) уровне безработицы и потенциальном выпуске продукции (при полном использовании производственных мощностей). Они одновременно свидетельствуют о высоком теоретическом уровне этих моделей и позволяют оценить реальное состояние экономики, намечают ориентиры для макроэкономической политики. Выработка аналогичных понятий в криминологии или даже постановка вопроса об их разработке — важный симптом повышения теоретического уровня и качества ее прикладных разработок.

М. Фуко, в свою очередь, приходит к такому же выводу, что и Г. Беккер, — о невозможности искоренить «всю» преступность, опираясь на свой анализ более чем 250-летней истории французской системы власти и уголовно-исполнительной системы. Он констатирует существование «поля терпимой противозаконности», которую «общество хочет или вынуждено терпеть» в силу политических, социальных и экономических обстоятельств [7]. В это поле включена и «народная преступность», которую культивирует каждая крупная социальная группа общества, и делинквентная преступность, порождаемая и воспроизводимая тюремной системой.

Система для управления противозаконными практиками, которая включает в качестве своего основного звена угрозу тюрьмой и реальное тюремное заключение, на деле не успевает ни в исправлении преступников, ни в предупреждении новых преступлений. Более того, наказывая, она порождает и новый вид преступности — делинквентность. По Фуко, это «идеальная» противозаконность, резюмирующая все другие ее формы; находящаяся на виду «укрошенная и полезная» противозаконность служит обузданию других противозаконностей, блокирует или, по крайней мере, удерживает на довольно низком уровне «обычные противозаконные практики».

«Полезная» роль тюрьмы является самым важным звеном в понимании исторической укорененности тюрьмы как основной формы уголовного наказания в жизни современного общества, несмотря на разрушительную критику самых уродливых проявлений ее применения. Подчеркивание этой роли позволяет вернуться к вопросу об основаниях рациональной уголовной политики и переоценить роль жестокости наказания в качестве одного из регуляторов количества преступлений, как она вытекает из модели Г. Беккера. У него жестокость наказания однозначно является фактором, сдерживающим преступность, а ее мера контролируется только издержками на проведение в жизнь этой жестокости. По М. Фуко, «экономная» уголовная политика должна быть также озабочена тем обстоятельством, что жестокость наказания — фактор, который участвует в генезисе преступного поведения.

Особенность позиции Фуко в этом вопросе состоит в том, что не только тюремное наказание выступает криминогенным фактором. Таким фактором является наказание вообще. Он предельно расширяет поле «противозаконностей», самую большую часть которых занимают дисциплинарные нарушения и наказания — нарушения разнообразных норм, входящих в бесконечную «нормативную систему» общества, и совокупность связанных с ними санкций [16].

В связи с данной позицией криминогенная система у М. Фуко имеет двойственный характер. Первый ее контур составляет тюрьма в своей роли, порождающей специфическую форму преступности — делинквентную. Предполагается, что тюрьмы только по видимости исполняют законы и учат уважать их, но вся их деятельность протекает в форме злоупотребления властью, грубого принуждения и подавления личности заключенного. Тюремное наказание не только дисциплинирует, но и провоцирует неповиновение и далее продолжение преступного поведения (рецидив).

Во втором ее контуре преступность рождается благодаря «накоплению дисциплинарного принуждения» на основе «мелких противозаконностей» путем «наложения первой на последние и установления predetermined преступности». Парадокс в том, что любая сколько-нибудь изоциренная и непрерывная система наказаний, направленная, казалось бы, на профилактику преступлений, в конечных своих результатах порождает преступность.

Здесь работает конвейерный принцип, встраивающий непослушных и девиантов в общий механизм. Стоит только попасть под надзор и получить соответствующий «ярлык», дальше все происходит как бы само собой. Биографии многих осужденных, которые в свое время попадали под действие рассматриваемых дисциплинирующих и нормализующих механизмов, свидетельствуют, что они все равно оказались в тюрьме. В то же время принято думать, что эти механизмы, наоборот, помогают избежать тюремного заключения.

Дисциплинарные механизмы, благодаря современному устройству общества, обеспечивают всеобщность, непрерывность и преемственность власти наказывать, доводят ее до самых «глубин», самых мельчайших элементов общества. Понижая степень терпимости индивидов к наказаниям, им удается сделать власть наказывать естественной и легитимной. Благодаря вездесущности дисциплинарных устройств власть действует как нормативная и нормализующая власть. Эти устройства в каждой дисциплине включают в себя целую армию «судей нормальности», которые и производят главную работу наказания и нормализации индивидов. Специфика их функционирования состоит в том, что они применяются не к нарушению «основного (уголовного) закона», но ко всему множеству противозаконностей во всем многообразии их природы и происхождения.

Все вместе рассматриваемые механизмы продвигают общество в направлении формирования дисциплинированного — послушного власти и управляемого — индивида. Такой индивид заключает в себе глубинную, подспудно действующую, идеальную цель любой проводимой властью политики. Подобная цель, конечно, недостижима ни в какой обозримой перспективе хотя бы потому, что давление власти всегда встречает противодействие индивида в ответ. Оно всегда будет наталкиваться на известные пределы манипулирования индивидом — суверенитет личности индивида. Правда, Фуко находит и другой аргумент в пользу ограниченности действия универсальных дисциплинарных механизмов. В его представлении они только по видимости составляют «инфраправо». Но по своей сути они создают известную «асимметрию», разрушая «договорную» горизонталь во взаимодействиях индивидов. Ведь именно эта горизонталь находится в фундаментальных основах права.

Недостижимость идеала управляемого индивида ни в коей мере не препятствует культивированию механизмов дисциплинарного контроля и их совершенствованию. Ведь других, более надежных профилактических механизмов, противодействующих противозаконностям, современное общество не изобрело. В лучшем случае их поиск продолжается. Поддержание такого образа дисциплинарного индивида и опора на уже действующие механизмы контроля — надежный ориентир для уголовной политики в теоретической конструкции М. Фуко. Это следует из его исторических исканий, но его можно предложить и для современности.

Очевидная исходящая из рассматриваемой криминогенной модели позиция констатирует невозможность справиться с преступностью как таковой и вытекающую отсюда необходимость вписать уголовную политику в русло более широкой политики противодействия противозаконностям или «общую тактику подчинения», «способ обращения с противозаконностями». Этот «способ» выглядит буквально следующим образом: установление пределов терпимости, открытие пути перед одними, оказание давления на других, исключение одной сферы, постановка на службу другой, нейтрализация одних индивидов и извлечение пользы из других. Тем самым рассматриваемая политика наказания не просто «подавляет» противозаконности, она их дифференцирует, т.е. вырабатывает специфические формы воздействия на каждую из них, исходя из степени их опасности. В результате обеспечивается, по Фуко, «общая экономия» политики.

В российской современности все больше внимания уделяется понятию проступка в широком смысле слова, которое формально способно объединить самые разные порядки контроля за индивидами и их наказания. Хотя еще в давние времена эти порядки были отделены друг от друга, в понятии проступка легко сопрягаются друг с другом грех, аморальное поведение и правонарушение. Советские и современные российские массовые практики поддерживали и поддерживают подобное смешение. Факты «аморального» поведения, например, во многих случаях вели к непомерным санкциям со стороны государства. А «сигналы» о «плохой или недопустимой морально-психологической обстановке» обязательно приводят к «проверкам», по результатам которых «вполне могут выявиться основания для возбуждения уголовных дел» [17, с. 15].

Современное движение к декриминализации усиливает значение рассматриваемого понятия, требует компетентной оценки возможностей функционирования его в единой связке с уголовным законом и дисциплинарными кодексами и проблем, возникающих из этого функционирования. Все это — важные темы перспективного криминологического дискурса. Тем более подобный дискурс будет органично вытекать из традиции исследования социальных отклонений, заложенной отечественной криминологией [18; 19].

Примеры результативных и даже неудачных практик проведения профилактической работы должны не просто «обязательно присутствовать» во всей проблематике криминологического дискурса. Их роль в дискурсе многозначна. Они, прежде всего, фактор, определяющий актуальную повестку дискурса и перспективные направления его развития. Их присутствие в дискурсе — самое действенное лекарство от формализма. Описание практик противодействия преступности подтверждает общественную значимость криминологических разработок и поставляет фактический материал для перспективных криминологических исследований. С их помощью и на их основе формируются модели и локальные образцы криминогенной детерминации, в отрыве от которых невозможно получить никаких обобщений, претендующих на всеобщность и теоретическое значение. В своей совокупности они в конечном счете образуют ту твердую почву, на которой только и может происходить содержательный криминологический дискурс.

В большинстве успешных профилактических практик, как правило, используется проектная (или программная) форма разработки и организации проведения необходимых мероприятий. По своей сути, проект — это решение задачи с известным результатом, представленным заранее в виде точно определенной цели. Ее достижение увязывается с оговоренными сроками и привлекаемыми ресурсами. Важная черта проекта — его уникальность, т.е. после решения задачи проект перестает действовать [20].

В истоках подобных практик находится осмысленная концептуальная проработка в виде модели локальной криминогенной системы, сконструированной именно для решения конкретной задачи в данной ситуации, привязанной к месту и времени проведения назначенных мероприятий, специфическому социальному

контексту. Все решения по проекту принимаются компетентными органами власти на соответствующем политическом уровне.

Например, в одной из программ борьбы с насильственной и уличной преступностью таким истоком послужила так называемая теория разбитых окон, разработанная американскими социологами Джеймсом Уилсоном и Джорджем Келлингом [21]. Согласно их позиции, когда люди видят, что пренебрежение со стороны отдельных членов и групп общества к соблюдению порядка в городе (вандализм, появление в пьяном виде, безбилетный проезд, выброшенный в общественном месте мусор, разбитая бутылка и др.) сходит им с рук, то подобные формы поведения получают широкое распространение, превращаются в обыденность. В такой обыденности статус «допустимого нарушения» получают все более и более тяжкие проступки. Но если объявить войну любым проявлениям девиантности, то в конце концов можно добиться, конечно в локальных масштабах, контроля над серьезными преступлениями против личности.

Основанием другой программы, посвященной борьбе с вооруженным насилием среди молодежи в американском Бостоне и разработанной при участии криминолога Дэвида Кеннеди почти 30 лет назад, послужила идея «отговорить» малолетних преступников от совершения противоправных действий посредством включения в механизмы профилактики всестороннего диалога с ними [22]. Важнейший элемент любого диалога — живое общение, непосредственное взаимодействие его участников. Вместе с профессиональными его участниками (местная полиция, прокуратура, структуры, отвечающие за условно-досрочное освобождение, молодежную политику, оборот алкоголя, табака и оружия, управление по борьбе с наркотиками, сотрудники пенитенциарной системы, ответственные за перевоспитание малолетних преступников) в диалог с малолетними преступниками, согласно программе, включилась общественность.

По замыслу Д. Кеннеди, ближайшая община — родные, близкие, уважаемые члены сообщества, в котором вращаются криминальные элементы, — должна оказать на них решающее воздействие, чтобы заставить уйти с улицы и стать нормальными членами общества. Еще один элемент программы — участие в профилактических беседах лиц, которых малолетние преступники считают для себя авторитетами. Удалось привлечь к сотрудничеству бывших матерых уголов-

ников, уважаемых полицейских. На известных приверженцев бандитских групп оказывалось психологическое давление со всех сторон.

Кроме психологических «воздействий», в реализации рассматриваемой программы был сделан акцент на борьбе с незаконным оборотом оружия, наркотиков, алкоголя и бандитскими шайками. Наиболее опасные из них были ликвидированы полицией.

На наш взгляд, сбор и анализ материала, характеризующего практики противодействия преступности, необходимо продолжить. Но даже самая большая выборка профилактических практик никаким образом не позволит справиться с основной проблемой: определиться с теми «широкомасштабными социальными процессами», которыми продуцируется преступность и вследствие которых она «столь трудно поддается контролю» (Р. Коллинз). Эта проблема так и останется в повестке дня криминологического дискурса даже в самой далекой, но каким-то способом обозримой перспективе. Доступными для понимания всегда будут оставаться только отдельные социальные аспекты, являющиеся криминогенными детерминантами, которые и сформируют собирательный образ криминогенной системы.

Отсюда полезным может оказаться, как мы полагаем, состояние аморфности современного криминогенного дискурса, которое не позволяет «классической» догматике подавить ростки перспективного криминологического дискурса. В этом дискурсе, как отмечает профессор Жалинский, «криминология должна расцениваться лишь как один из социальных институтов, обеспечивающих понимание преступности». Это для нас очевидно, и это уже произошло. Но никто не мешает и ничем не предопределено, что криминологический дискурс будет продолжать развиваться и дальше в своих «классических» границах. Но также возможна и уже наметилась другая линия развития дискурса, которая в дальнейшем, как мы думаем, будет прогрессировать. Она раздвигает традиционные границы криминологии в направлении формирования междисциплинарного знания о преступности, предоставляя ей возможность быть в этом знании интегратором, сохранив свою лидирующую роль в дискурсе о преступности. Ее преимущество в том пути, который она уже прошла в качестве науки о преступности, разрабатывая свой традиционный объект и предмет своего изучения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Foucault M. *L'Archeologie du savoir* / M. Foucault. — Paris : Gallimard, 1969. — 265 p.
2. Жалинский А.Э. Криминологический дискурс о преступности / А.Э. Жалинский // *Право и политика*. — 2006. — № 8. — С. 15–22.
3. Жалинский А.Э. *Избранные труды* / А.Э. Жалинский. — М. : Изд-во НИУ ВШЭ, 2014. — Т. 1 : Криминология. — 1170 с.
4. Юнг К.Г. *Матрица безумия* / К.Г. Юнг, М. Фуко. — М. : Алгоритм, 2007. — 384 с.
5. Гутнер Г.Б. *Науки в контексте человеческих практик (конструктивизм и эволюционная эпистемология о начале науки)* / Г.Б. Гутнер // *Вопросы философии*. — 2017. — № 7. — С. 147–157.
6. Коллинз Р. *Социологическая интуиция: введение в неочевидную социологию* / Р. Коллинз // *Личностно-ориентированная социология*. — М. : Акад. проект, 2004. — С. 399–603.
7. Foucault M. *Surveiller et punir Naissance de la prison* / M. Foucault. — Paris : Editions Gallimard, 1975. — 319 p.
8. Becker G.S. *The Economic Analysis and Human Behavior* / G.S. Becker // *Advances in Behavioral Economics* / ed. L. Green, J. Kagel. — Norwood : Ablex Publ. Corp., 1987. — Vol. 1. — P. 3–17.
9. Becker G.S. *The Economic Way of Looking at Life* / G.S. Becker // *Journal of Political Economy*. — 1993. — Vol. 101, № 3. — P. 385–409.
10. Becker G.S. *Crime and Punishment: An Economic Approach* / G.S. Becker // *Essays in Economics of Crime and Punishment* / ed. G.S. Becker, W.M. Landes. — New York, 1974. — P. 1–54.
11. Кривошапка Ю. *Стой, код идет!* / Ю. Кривошапка // *Российская газета*. — 2018. — 28 дек.
12. Юрьев А. *Все вижу, слышу, всем все расскажу. Как китайское государство свое общество воспитывает* / А. Юрьев // *Эксперт*. — 2018. — № 44. — С. 62–66.
13. Денисенко К. *Под прицелом. Массовое видеонаблюдение стало реальностью, но его безопасность и обоснованность вызывают вопросы* / К. Денисенко, З. Мамедьяров, А. Павлюченко // *Эксперт*. — 2018. — № 40. — С. 50–53.
14. Московцев А.Ф. *Криминогенные детерминанты экономической преступности: вопросы теории и практики* / А.Ф. Московцев, А.В. Копылов // *Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права*. — 2014. — № 4. — С. 162–174.
15. Кистяковский Б.А. *Государство и личность* / Б.А. Кистяковский // *Власть и право. Из истории русской правовой мысли*. — Л. : Лениздат, 1990. — С. 143–202.
16. Венгерова А.Б. *Нормативная система и эффективность общественного производства* / А.Б. Венгерова, Н.С. Барабашева. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1985. — 288 с.
17. Колесникова К. *В класс — как на войну?* / К. Колесникова // *Российская газета*. — 2018. — 11 дек.
18. *Социальные отклонения* / С.В. Бородин [и др.]. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрид. лит., 1989. — 368 с.
19. Кудрявцев В.Н. *Правовое поведение: норма и патология* / В.Н. Кудрявцев. — М. : Наука, 1982. — 288 с.

20. Newton R. *Projekt Management. Step by Step* / R. Newton. — London : Pearson Education Limited, 2006. — 168 p.
21. Петров И. Уличная гигиена: секрет успеха «теории разбитых окон». Как победить серьезную преступность, соблюдая закон в мелочах / И. Петров // *Известия*. — 2019. — 8 янв.
22. Петров И. Двор в законе: каков опыт США в борьбе с подростковым криминалом. Как перевоспитать малолетних маргиналов с городских окраин / И. Петров // *Известия*. — 2018. — 21 дек.

REFERENCES

1. Foucault M. *L'Archeologie du savoir*. Paris, Gallimard, 1969. 265 p.
2. Zhalinskiy A.E. Criminological discourse on crime. *Pravo i politika = Law and Politics*, 2006, no. 8, pp. 15–22. (In Russian).
3. Zhalinskii A.E. *Izbrannyye trudy* [Selected Works]. Moscow, National Research University Higher School of Economics Publ., 2014. Vol. 1. 1170 p.
4. Jung C.G., Foucault M. *Matritsa bezumiya* [The Matrix Madness]. Moscow, Algoritm Publ., 2007. 384 p.
5. Gutner G.B. Science in Context of Human Practices. Constructionism and Evolutionary Epistemology about the Beginning of Science. *Voprosy filosofii = Issues of Philosophy*, 2017, no. 7, pp. 147–157. (In Russian).
6. Collins R. *Sociological Insight: An Introduction to Non-Obvious Sociology*. New York, Oxford University Press, 1992. (Russ. ed.: Collins R. *Sotsiologicheskaya intuitsiya: Vvedenie v neochevidnyuyu sotsiologiyu*. In *Lichnostno-orientirovannaya sotsiologiya*. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 2004, pp. 399–603).
7. Foucault M. *Surveiller et punir Naissance de la prison*. Paris, Editions Gallimard, 1975. 319 p.
8. Becker G.S. The Economic Analysis and Human Behavior. In Green L., Kagel J. (eds.). *Advances in Behavioral Economics*. Norwood, Ablex Publ. Corp., 1987, vol. 1, pp. 3–17.
9. Becker G.S. The Economic Way of Looking at Life. *Journal of Political Economy*, 1993, vol. 101, no. 3, pp. 385–409.
10. Becker G.S. Crime and Punishment: An Economic Approach. In Becker G.S., Landes W.M. (eds.). *Essays in Economics of Crime and Punishment*. New York, 1974, pp. 1–54.
11. Krivoshepa Yu. Halt, the code goes there! *Rossiiskaya Gazeta*, 2018, December 28. (In Russian).
12. Yurev A. See and hear all, tell everybody everything. How the Chinese state is educating the society. *Ekspert = Expert*, 2018, no. 44, pp. 62–66. (In Russian).
13. Denisenko K., Mamedyarov Z., Pavlyuchenko A. At gunpoint. Mass surveillance is a reality, but its safety and relevance are questionable. *Ekspert = Expert*, 2018, no. 40, pp. 50–53. (In Russian).
14. Moscovcev A.F., Kopylov A.V. Criminogenic determinants of economic crime: theory and practice. *Kriminologicheskii zhurnal Baikalskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava = Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2014, no. 4, pp. 162–174. (In Russian).
15. Kistyakovskii B.A. The state and the person. *Vlast' i pravo. Iz istorii russkoi pravovoi mysli* [The authority and the law. From the history of Russian legal thought]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1990, pp. 143–202. (In Russian).
16. Vengerov A.B., Barabasheva N.S. *Normativnaya sistema i effektivnost' obshchestvennogo proizvodstva* [Normative system and the effectiveness of public production]. Lomonosov Moscow State University Publ., 1985. 288 p.
17. Kolesnikova K. Going to school like going to war? *Rossiiskaya Gazeta*, 2018, December 11. (In Russian).
18. Borodin S.V., Kudryavtsev V.N., Kudryavtsev Yu.V., Nersesyants V.S. *Sotsial'nye otkloneniya* [Social Deviations]. 2nd ed. Moscow, Yuridicheskaya Literatura Publ., 1989. 368 p.
19. Kudryavtsev V.N. *Pravovoe povedenie: norma i patologiya* [Legal Behavior: Norm and Pathology]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 288 p.
20. Newton R. *Projekt Management. Step by Step*. London, Pearson Education Limited, 2006. 168 p.
21. Petrov I. Street hygiene: the secret for success of the «broken windows theory». How to win over serious crimes by observing the law in detail. *Izvestiya*, 2019, January 8. (In Russian).
22. Petrov I. The street in law: the US experience of counteracting juvenile delinquency. How to change marginalized teenagers from city ghettos. *Izvestiya*, 2018, December 21. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Суходолов Александр Петрович — первый проректор — проректор по науке Байкальского государственного университета, профессор, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: rector@bgu.ru.

Московцев Александр Федорович — профессор кафедры менеджмента и финансов производственных систем и технологического предпринимательства Волгоградского государственного технического университета, доктор экономических наук, профессор, г. Волгоград, Российская Федерация; e-mail: zav.mmiop@vstu.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Суходолов А.П. Криминологический дискурс: «классика», современность, перспектива / А.П. Суходолов, А.Ф. Московцев // *Всероссийский криминологический журнал*. — 2019. — Т. 13, № 2. — С. 181–196. — DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(2).181-196.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sukhodolov, Alexander P. — First Vice-Rector — Vice-Rector for Research, Baikal State University, Professor, Irkutsk, the Russian Federation; e-mail: rector@bgu.ru.

Moskovtsev, Aleksandr F. — Professor, Chair of Management and Finance of Production Systems and Technological Entrepreneurship, Volgograd State Technical University, Doctor of Economics, Professor, Volgograd, the Russian Federation; e-mail: zav.mmiop@vstu.ru.

FOR CITATION

Sukhodolov A.P., Moskovtsev A.F. Criminological discourse: «classics», modernity, prospects. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2019, vol. 13, no. 2, pp. 181–196. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(2).181-196. (In Russian).